

Люди богаты тем, что сами
вокруг себя создают. Двери огра-
ждают их от того, что им чуждо,
и от тех, с кем им не по пути.

Малгожата Домагалик

Глава 1,

*в которой я рассказываю
о своем детстве и первой любви
(конечно же, самой настоящей)*

Раннее детство я не помню. Пожалуй, в памяти сохранились лишь запахи, но кому они принадлежали, что это были за люди?.. Загадка, которую никогда не удавалось разгадать. Иногда мне казалось, что лет до пяти я с отцом и матерью кочевала из страны в страну, не задерживаясь на одном месте больше пары недель. Мне даже мерещились огромные слоны, высоченные жирафы и страшные полосатые тигры. Воображение торопливо рисовало то песчаный берег, то непроходимые джунгли, то снежные пики гор. Иногда, наоборот, позабытая жизнь представлялась однообразной и скучной до дремоты, и тогда в ушах начинал звенеть колокольчик, и раздавалось настойчивое тиканье часов. Но запахи... Запахи всплывали постоянно. Одни и те же. Они щекотали нос и отчего-то повышали настроение. Я закрывала глаза и улыбалась.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Резкий, терпкий, почти удушливый... Мужской или женский? Я не знаю.

Теплый, цветочный, солнечный — наверное, мамин. Мне нравится так думать.

Табачный, аптечный, хвойный — вперемешку. И опять вопрос — чей он?

Слишком крепкий, но бархатный, сладкий и отталкивающий одновременно...

О, если бы можно было их схватить, приоткрыть, как какую-нибудь коробочку, и заглянуть внутрь! Но увы...

Зато я помню почти все, что со мной происходило после шести лет. Однажды я проснулась, и... взгляд сначала коснулся потолка, посеревшего от старости и миллиона извилистых трещин, затем махровой паутины с дохлой мухой, потом пыльной люстры, напоминающей самую обыкновенную трехлитровую банку, и выцветших желтых штор с двумя большими дырками посередине.

— Проснулась? Вставай. Нечего валяться, — раздался незнакомый ворчливый голос.

Я повернулась на бок и увидела невысокую полную женщину в цветастом халате. Рыжий пучок на голове, маленькие глазки, крючковатый нос и тяжелый подбородок делали ее похожей на ведьму или кикимору, и я, конечно, мгновенно струхнула. Натянула одеяло до ушей, задержала дыхание и зажмурилась. Умей я превращаться в букашку и прятаться в складках постельного белья, то непременно бы так и поступила, но, к сожалению, у меня не было волшебных способностей, поэтому я обреченно приготовилась к худшему.

Долго ждать не пришлось, уже через минуту я вновь услышала едкий голос женщины...

Стрекоза летит на север

Хозяйка дома не имела ничего общего с отрицательными персонажами сказок (если не считать ее характера), и наша встреча объяснялась просто: в жизни есть плохое и хорошее, и уж кому как повезет...

Тамара Яковлевна Зубенко приходилась мне дальней родственницей и, в силу трагических обстоятельств, была вынуждена взвалить на свои плечи груз неимоверной ответственности, а именно: воспитание «несчастной сироты, которая наверняка окажется неблагодарной и лет через семь-восемь либо устроит поджог, либо разболеется и назло помрет». То есть речь шла о моем воспитании.

Тамара Яковлевна коротко сообщила, что мои родители погибли в автомобильной катастрофе, и отныне и навсегда я — ее «послушная племянница», а она — моя «замечательная тетя Тома». И еще, заметила она, «следует сказать спасибо, потому что в приютах сейчас недобор».

Честно говоря, в тот момент мне хотелось заполучить какую-нибудь другую тетю, но выбирать не приходилось, и, так как в голове было пусто, я лишь тихо вздохнула в ответ и без особых эмоций приняла условия. Расплывчатые образы мамы и папы промелькнули передо мной, но я не стала прижимать их к груди — это я собиралась сделать позже, когда останусь одна.

Странно, я знала некоторые имена, умела читать, считать, могла пересказать огромное количество сказок, хорошо ориентировалась в других вопросах, но тем не менее оставалась маленькой девочкой без прошлого. Довольно долго меня эта проблема особо не беспокоила — часть души крепко спала, не желая дополнительной правды. Намного

ЮЛИЯ КЛИМОВА

позже я все же стала проявлять интерес, однако любопытство на корню было безжалостно задушено тетей Томой.

«Там, где ты жила раньше, уже трава выросла по пояс! — гаркала она, заводясь с пол-оборота. — Или умные люди небоскреб построили! Хватит маяться дурью!»

Обычно разговор обрывался, толком не начавшись, и со временем я махнула рукой на ту пустоту, которая не мешала мне бегать босиком по деревне, перелезть через заборы, подбирать с земли яблоки, печь в углях картошку, обжигать ноги крапивой и совершать кучу немислимых поступков, не одобряемых тетей Томой. За плохое поведение она наказывала меня однообразно, но с удовольствием: или таскала за ухо, или запирала на чердаке, или стегала хворостиной, или лишала обеда и ужина. И всегда при этом кричала так громко, что соседские куры начинали нервно кудахтать и неслись, выстреливая разом по три яйца.

Учеба в школе мне давалась легко, даже по музыке я умудрялась получать четверки и пятерки, хотя ни слуха, ни голоса не имела. Пожалуй, мне не хватало терпения и аккуратности, да и богатое воображение частенько мешало сосредоточиться, но на эти минусы учителя закрывали глаза, жалея «несчастную сироту».

Лет до десяти я действительно вызывала жалость, потому что была бледной и тощей, носила одежду на пару размеров меньше, чем нужно, постоянно шмыгала носом и болела. В пылу гнева тетя Тома отстригла мне волосы, и я напоминала мальчишку-пастуха, заблудившегося и прожившего в лесу не меньше двух месяцев. Учителя подкармливали меня то пирожком, то котлетой, а библиотекарьша Валентина Сергеевна, до невозможности добрая женщина, приглашала к

Стрекоза летит на север

себе на борщ и несколько раз приносила тете Томе тук с девчачьей одеждой, за что получала благодарность — «Спасибо, голубушка, мы бы без вас замерзли этой зимой!» — и клятвенное заверение: «Приодену свою горемыку уже к завтрашнему дню, не волнуйтесь». Я радовалась и млела.

Выпив лишнего, тетя Тома любила хорошенько «вжарить государству». Она ругалась, била посуду, грозила в окно кулаком, а затем, устав, хватала зеленую замусоленную тетрадь и принималась складывать цифры столбиком. Прикинув на бумаге очередную сумму долга, она минимум полчаса сокрушалась, что растит меня задарма, не получает необходимых пособий, «и вообще пора всех гнать из правительства поганой метлой!».

Но наша бедность была какой-то однобокой и непонятной. Тетя Тома считала каждую копейку и при этом покупала себе такую одежду, которой не было ни у кого в округе, — явно безумно дорогую. Раза два в сезон она быстро собиралась и уезжала, а возвращалась с пухлыми сумками, пакетами и коробками. Обновки же она никогда не носила, а складывала в чемоданы на чердаке и берегла как зеницу ока. Очень боялась, что украдут или начнут завидовать и на наш дом обязательно свалятся напасти. А когда тетя Тома перебирала свое имущество, а случалось это часто, она пела и хохотала, отчего стекла в окнах дрожали и рюмки в буфете позвякивали. Я в такие вечера всегда старалась смотреться подальше...

Лет в одиннадцать я окунулась с головой в мир книг. Читала, читала и читала, пока не затекала спина или сон не валил с ног — придуманные миры, плохие и хорошие герои тянули меня к себе, не отпускали. Устроившись в библио-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

течной комнате на подоконнике, переворачивая страницы, я негодовала, удивлялась, злилась, переживала и мечтала о точно таких же приключениях. Мне хотелось тайно, под покровом ночи, покинуть страну, плести интриги, острыми фразами побеждать врагов, отправляться в кругосветное путешествие, танцевать на балу, совершать подвиги... Валентина Сергеевна подсовывала мне очередной томик, улыбалась и говорила: «Эта история тебе точно понравится, не сомневайся». А я и не сомневалась, проглатывала все подряд и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Даже если бы библиотека находилась не в пристройке к школе, а за тридевять земель, я бы все равно каждый день преодолевала огромное расстояние, предвкушая встречу со старенькими потрепанными книгами.

— Настя, ты сегодня ела? — спрашивала Валентина Сергеевна.

— Ага, — кивала я, хотя обед был пропущен и голод уже давал о себе знать.

Но особенно я обожала романы, в которых присутствовала любовь: чтобы *он* и *она* познакомились, втрескались друг в друга по уши, потом сокрушили преграды и поженились. Сердце от волнения колотилось так, что в груди становилось горячо, я нервно кусала губы и за пару часов сгрызала карандаш до непригодного состояния. Если концовка истории была плохой, я возвращалась домой, падала на свою скрипучую кровать и рыдала, проклиная злодейку-судьбу, глупость героев и заодно жестокого, бессовестного автора. Любовь всегда должна быть прекрасной! Что это за чувство, которое не выдерживает испытаний? Ерунда. Я бы выдержала все! И сколько угодно! Я бы не отдала, не отпустила. Ни за что!

Стрекоза летит на север

А еще я не могла оторваться от журналов. Листая их, рассматривая фотографии, я представляла себя и умопомрачительной красавицей, сидящей на скамейке в парке, и известнейшей актрисой, шагающей в белом платье по красной ковровой дорожке, и деловой женщиной в строгом костюме, держащей в руке плоский портфель. Но я очень сомневалась, что где-то есть настолько другая жизнь...

Тринадцатилетие ознаменовалось для меня двумя важнейшими событиями. Прямо в день рождения я получила от судьбы два невероятных подарка, которые потрясли меня до глубины души и наполнили последующие дни восторгом и волнением. Покой улетучился с такой скоростью, что некоторое время я пребывала в полубморочном состоянии и вполне заслуженно получала от тети Томи шлепки и крепкие словечки. Я спотыкалась на ровном месте, улыбалась невпопад, проливала чай на скатерть, вертелась около зеркала и то радовалась, то огорчалась...

В тот день, десятого февраля, погода, как назло, испортилась. Я ждала солнца, но небо заволочло тучами, температура опустилась до двадцати четырех градусов, ледяной ветер завывал и обжигал щеки, да еще добавился снегопад... Полтора километра до школы — не слишком большое расстояние, привычное, но в то утро оно мне казалось бесконечным.

Зимние ботинки развалились, и я надела осенние, старенькая коричневая куртка совершенно не спасала от холода, вязаная шапка тети Томи съезжала назад и не грела. Лилька, одноклассница и подруга, увидев меня, стала подпрыгивать на месте и хлопать себя руками по бокам. Мы с ней из разных деревень и всегда встречались в одно и то же время на развилке.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Опоздываем! — выпалила она, морща нос. — Я тебя жду, жду... Холодина!

— Ага, — согласилась я. — Тетка задержала...

— Ой, поздравляю с днем рождения! — Лилька перестала подпрыгивать и улыбнулась до ушей. — Желаю счастья, здоровья и всего самого хорошего!

— Спасибо.

Зуб на зуб не попадал, и мы быстрым шагом устремились дальше, продолжая разговор на ходу.

— А что тебе тетка подарила? — с любопытством спросила Лилька, прищурившись. Моя жизнь ей часто казалась удивительно-непонятной, наверное, потому, что наши семьи были совершенно разные.

— Шапку, — коротко ответила я.

— Эту?

— Да.

— Но она... ну... странная какая-то.

— Ты кого имеешь в виду? Тетку или шапку?

— Тамара Яковлевна само собой немножко того... Я про шапку!

Лилька считала себя модницей. Во-первых, ее мама шила отличные вещи, благодаря чему даже несколько раз побывала в Большом Доме, построенном пять лет назад московскими богатеями на берегу озера. Семья Акимовых, проживающая в двухэтажном особняке, давно обросла легендами и тайнами и вызывала живейший интерес буквально у всех. Во-вторых, прошлым летом Лилька коротко постриглась, подражая какой-то французской певице, и теперь мечтала покрасить волосы в яркий, почти оранжевый, цвет. Она собиралась сделать это еще под Новый год, но натолкнулась

Стрекоза летит на север

на стену непонимания со стороны бабушки, расстроилась и отложила перевоплощение на другую дату. «Представляешь, — возмущалась Лилька, — она пообещала содрать с меня три шкуры! Сказала, что это прямая дорога в ад, и назвала меня перспективной блудницей. Интересно, откуда она такие слова знает?..» Я тоже мечтала перекрасить свои скучные светлые волосы в шоколадный цвет, но не в ближайшем будущем, а лет через десять-пятнадцать. В-третьих, у Лильки была потрясающая сумка с кисточками на кармашках и разноцветными бусинками на ремне. Это чудо ей прислала из Санкт-Петербурга старшая двоюродная сестра.

— Шапка мне просто велика. — Я пожалала плечами. — Ее раньше тетя Тома носила, а потом она ей разонравилась.

— Понятно, — многозначительно выдала Лилька, и мы, переглянувшись, захихикали.

Пять уроков тянулись бесконечно. Я совершенно не могла настроиться на учебу, поэтому сидела тихо, практически не шевелясь, и мечтала.

Тринадцать лет — это же много?

Да, я уже взрослая.

Но что изменилось?

Мне хотелось чего-нибудь нового, необыкновенного, особенного, но в голову лезла какая-то ерунда: а если устроить скромную вечеринку на чердаке (невозможно, потому что невозможно), а если купить билет на поезд и умчаться на юг или на север (невозможно, потому что невозможно), а если раздобыть косметику, накраситься и... И что дальше? Нет, все не то... Я вздыхала и бросала короткие взгляды на Лильку. Тихая грусть и детская глупая зависть переполняли душу до краев. У моей подруги была семья: мама, папа,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

бабушка, дедушка плюс многочисленная родня. И они все воевали между собой с утра до вечера, а затем так же шумно мирились и рыдали от умиления. Они собирались по выходным за круглым столом, изредка куда-нибудь ездили или ходили друг к другу в гости. Лилька рассказывала, что много лет назад, когда она еще не родилась, ее близкие пять месяцев придумывали ей имя: спорили до потери сознания, ругались, сгоряча делили имущество, ходили к провидице, изучали словари и в конце концов угомонились, выбрав — Лилия. Имя редкое, но, как ни странно, строгая бабушка его одобрила — видимо, сказало увлечение любовными романами. Я никогда не была у них в доме, но не сомневалась, что в комнатах уютно, тепло, а на кухне всегда пахнет пирогами.

— Пойдем к озеру, — предложила Лилька после уроков. — Колька сказал, что Акимовы приехали на новой тачке — огромной, с рисунком! Вроде огонь нарисован и черная пантера... Врет, наверное, но все равно давай сходим и посмотрим, а?

Дом у озера мы называли Большим Домом — с заглавных букв, уважительно. Мы не знали, кто там живет постоянно, а кто бывает наездами, но, по слухам, хозяевами были пожилой мужчина, вечерами попыхивающий трубкой на балконе, и его чудаковатая жена, обожающая пуделей и розовый цвет. Именно она как-то обратилась к Лилькиной маме с просьбой укоротить платье. Так же на участке частенько видели высокую блондинку лет сорока, полного мужчину с пышными усами, двух старушек, нервную дамочку, а еще мальчика и девочку. По разведанным Кольки, «на буржуев Акимовых батрачили» шофер, садовник, домоправительница (похожая на Фрекен Бок), повариха и три служанки. Я подозревала, что он

Стрекоза летит на север

врет и количество обслуживающего персонала можно смело поделить на два. Но, с другой стороны, это могло быть и правдой — по словам Лилькиной мамы, коридоры и комнаты Большого Дома обставлены очень богато, и не так-то просто убрать на двух этажах («а чисто там и красиво, как в музее»).

— Ладно, пойдем, — согласилась я, хотя тащиться по морозу к озеру мне совершенно не хотелось. Но мечты о вечеринке на чердаке и путешествии на юг или север сбыться все равно не могли, а к тете Томе я уж точно не спешила.

Пройдя полпути, я стала мечтать о большой тяжелой шубе, шерстяных носках и валенках, а также о том, чтобы меня посадили на лопату и отправили в печь!

— Чертова холодина! — выругалась Лилька, растирая и без того красный нос. — Ну, если Колька обманул и мы не увидим машину с пантерой, я его убью!

— И я его убью тоже, — буркнула я, вжимая голову в плечи. О, если бы у меня был шарф! Широкий, длиннющий, с разноцветными полосками! Я бы обмоталась им пять раз (или шесть!) и согрелась. Уверена, я бы не мерзла, и мое горло, открытое всем ветрам, не готовилось бы к очередной простуде.

Забор Большого Дома представлял собой кирпичную стену, прерывающуюся в двух местах воротами. К главным кованым воротам редко кто подходил из местных (маячить перед Акимовыми желанья не возникало), а вот вторые ворота, те, что ближе к лесу, вызывали живейший интерес у мальчишек (через сетку можно было увидеть приличный кусок дома, часть участка, гараж и беседку).

— Смотри! Машина! — воскликнула Лилька, проткнув пальцем воздух. — И картинка есть, правда есть!

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Я с удивлением уставилась на рисунок, потому что раньше такого чуда не видела. Машина была большой, серебристой и напоминала каплю воды, в которой отражался весь мир. Нарисованный огонь полыхал на боку, а из него выпрыгивала черная гибкая пантера.

Мы прижались к воротам и замерли, любуясь.

— Везука им, да? — выдохнула Лилька, и изо рта у нее вырвались клубы белого пара.

— Ага, — кивнула я и улыбнулась.

Откуда взялась эта непонятная радость — не знаю, а только мне вдруг стало необыкновенно хорошо, даже холод отступил на второй план. Я представила себя свободной дикой кошкой, такой же грациозной, красивой, летящей в прыжке через пропасть, и... И моя губа прилипла к воротам! Не сразу сообразив, что произошло, я дернулась назад и вскрикнула. В глазах зарябило, я прикрыла ладонью рот и зажмурилась.

— Ты чего? — донесся испуганный вопрос Лильки.

— Буба... — жалобно выдала я.

— Чего?

— Губа... — ответила я более четко.

— Кто ж зимой до железок дотрагивается! — с осуждением воскликнула Лилька, не зная, чем помочь.

И тут я услышала скрип снега, а затем раздался требовательный и незнакомый голос:

— Покажи.

От неожиданности я вздрогнула и открыла глаза. Чуть в стороне стоял симпатичный крепкий парень в джинсах, грубых ботинках, короткой синей куртке с мехом на капюшоне. На вид он казался чуть старше нас — на год, максимум на два. И его взгляд лишил меня возможности не только двигаться и говорить, но и соображать.

Стрекоза летит на север

— Покажи, — повторил он, но я не шелохнулась.

— Кажется, она припечталась к забору... — попыталась объяснить Лилька. — То есть... — Она выдала смешок и замолчала.

Парень нахмурился и подошел ближе, отчего моя душа сжалась в маленький пушистый комочек. Я вдруг увидела себя со стороны: нескладная худющая девчонка в огромной дурацкой вязаной шапке, с перекошенным лицом, с ладоною, прижатой к губам. Мне захотелось опустить руку, но она меня не послушалась. Нет, я не могла продемонстрировать свое уродство — ни за что на свете! Не сейчас!

Подойдя еще ближе, он достал из кармана носовой платок и протянул его мне.

— Возьми, тебе пригодится.

Первый раз в жизни я видела парня, у которого есть носовой платок. И это было второе чудо за день!

— Бери, раз дают, — выпалила Лилька и округлила глаза, пытаясь втолковать, что выгляжу я весьма глупо.

Но я и так это знала и ничего не могла поделать.

— Давайте знакомиться. Я — Павел. — Он коснулся пальцами моего запястья и участливо улыбнулся. — Не волнуйся, ничего страшного...

— А я — Лиля, а она — Настя!

— М-м, — подтвердила я слова подруги и тихо вздохнула.

— Очень приятно, — серьезно ответил Павел и отвел мою руку в сторону.

Холод и боль обожгли распухшую губу (а я не сомневалась, что она распухла до небывалых размеров!), и я тут же схватила предложенный платок и вновь прикрыла рот.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Все не так уж и плохо, — утешила Лилька и сморщила нос. — Если помажешь облепиховым маслом, то к утру заживет.

Но меньше всего я думала об облепиховом масле... Со всем другие мысли кружили в голове, превращая меня в слабое, безвольное существо, способное рухнуть в обморок в любую минуту. Что-то изменилось, и я уже догадывалась что, но боялась признаться себе в этом. Оттягивала момент истины и неотрывно смотрела на Павла...

О нет, я никогда не была влюбчивой, никогда не писала записки понравившемуся мальчику, не ходила на свидания, не шепталась, не прихорашивалась, собираясь произвести на кого-то впечатление. О взрослых отношениях я если и мечтала, то только когда читала книги о дворцовых переворотах и приключениях на краю земли. А это был иной мир — фантастический, и я ни при каких обстоятельствах не могла оказаться в нем. Ни при каких! Это... ну-у... из разряда невероятного.

Но вмиг ситуация изменилась... Передо мной стоял светловолосый зеленоглазый парень, и сердце стучало все тише и тише...

— Почти незаметно, — подтвердил Павел. — Хочешь, пойдём ко мне, — он кивнул в сторону Большого Дома, — и ты сама убедишься.

Наверное, я выглядела очень глупо, а после услышанного опять потеряла способность соображать.

— Ты здесь живешь?! — воскликнула Лилька, озвучив мое изумление.

Стрекоза летит на север

— Да, — без оттенка хвастовства ответил Павел. — Приехал к деду и бабушке на неделю. В школе объявили карантин, и я отдыхаю от учебы.

Наконец оторвав руку от лица, я посмотрела на маленькое кровавое пятнышко на краю платка и шумно вздохнула. Боль утихла, шок пошел на спад, но от этого легче не становилось...

— Спасибо, — пробормотала я, поправляя шапку (хотя мне хотелось немедленно снять ее и зашвырнуть подальше в лес!). — Я постираю платок и верну его... тебе...

— Не надо, — ответил Павел таким тоном, что мне сразу стало теплее. — Оставь себе, вдруг еще пригодится.

— А ты правда нас приглашаешь? — хитро спросила Лилька. — Мы замерзли и выпили бы чаю.

— Конечно, пойдете.

— Прямо сейчас? — уточнила она.

— Да.

Я сразу поняла: Павел ей тоже понравился, но не так, как мне. Лилька радовалась, точно ребенок, который увидел банку вкуснящего малинового варенья, а я... А я падала в бездну, путаясь между «до чего же хорошо!» и «спасите, помогите, все ужасно!». Я жалела, что прижалась губой к ледяным воротам и испортила и без того невыразительную внешность противной раной, жалела, что плохо одета, что растеряла слова и не произвожу впечатления нормального человека. А хотелось-то быть кинозвездой!

— Пошли, — твердо произнес Павел и, развернувшись, направился вдоль забора. — Эти ворота закрыты, — объяснил он, не оборачиваясь.

— Ух ты! Нам никто не поверит. — Лилька крутанулась на месте и шепотом добавила: — Давай быстрее, пока он не

ЮЛИЯ КЛИМОВА

передумал... Здорово, да? Какая же ты молодец, что облизала эту железяку.

Мы торопливо зашагали следом по узкой дорожке. Ветер перестал завывать, и холод уже не пробирал до костей, во всяком случае, я больше не мерзла. Взгляд выхватывал то искрящийся снег, то голые ветки деревьев, то тяжелые облака, то островки кустарника и настойчиво тянулся к Павлу... «Этот день рождения вряд ли когда-нибудь забудется...» — пронеслось в голове.

— Я очень страшная? — остановившись, спросила я у Лильки и осторожно дотронулась кончиком языка до раны.

— С ума сошла? — фыркнула подруга и пулей понеслась дальше.

Перешагнув порог дома, мы оказались в том самом «музее». Первая же просторная комната удивила нас огромной люстрой, многочисленными креслами, низким стеклянным столом, золочеными светильниками, пушистым ковром, напольными вазами и многим, многим другим. Каждая вещь казалась очень красивой, особенной и требовала немедленного внимания. Но мне приходилось отвлекаться на Лильку. Я боялась, что моя замечательная подруга споткнется и грохнется (и мы вконец опозоримся!), потому что она от перевозбуждения не могла идти спокойно, постоянно оглядывалась, делала многозначительные знаки, переводящиеся как: «ух ты!», «супер!», «я тоже такую штуку хочу!», и блаженно улыбалась.

Собственно, я разделяла ее восторг. О, если бы представилась возможность, если бы не шок от увиденного и... неожиданное появление матери Павла, я бы, наверное, перетрогала все, что подвернулось по пути! Но увы...

Стрекоза летит на север

По лестнице спускалась высокая женщина, одетая в мягкие черные брюки и белоснежный свитер. Ее светлые волосы, уложенные волной, почему-то сильно блестели, тонкие черные брови резко выделялись на бледном лице, впрочем, как и ярко-красные губы.

— Мам, я пригласил девочек, — спокойно произнес Павел. — Они замерзли, и нам нужен чай.

Лилька тихонько толкнула меня локтем в бок, и я чуть заметно кивнула — с минуты на минуту нас могли выставить на улицу...

— Хорошо, — равнодушно ответила мать Павла и, коснувшись тонкими пальцами горловины свитера, добавила: — Ужин в восемь, не забудь.

Намек был ясен, но мы и не собирались засиживаться — впечатления и так переливались через край.

В кухне пахло очень вкусно: жареным мясом, хлебом, травами и чем-то пряно-сладким. Лилька сразу плюхнулась за стол и в ожидании уставилась на холодильник. Наверное, она, надеялась, что пузатый монстр, хранивший в себе множество деликатесов, распахнет совершенно самостоятельно дверцу и предложит на выбор колбасу, холодец, сыр и оладьи со сметаной. Я же потеряла аппетит еще около забора и мечтала только об одном — увидеть свою ужаленную холодом физиономию.

— Зеркало около раковины, — прочитал мои мысли Павел и указал на маленький узкий навесной шкафчик. — Там аптечка, если что-нибудь нужно, то бери, не стесняйся.

Я подошла к зеркалу и быстро изучила свое отражение. Ничего так, вполне... Губа почти не опухла, да и ранка не напоминала кратер вулкана (чего я боялась), нос, правда,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

приобрел цвет помидора, но, в общем и целом, я выглядела как обычно.

— А у Насти сегодня день рождения! — радостно выпалила Лилька и подперла щеку кулаком. — Здорово, да?

— Поздравляю, — коротко ответил Павел и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились, мы на пару секунд замерли, а затем улыбнулись друг другу. Он — по-доброму, я — чуть смущенно. — Сейчас будем пить чай с пирожными, располагайтесь и почувствуйте себя как дома.

Раньше я никогда не ела эклеры, вероятно, именно поэтому при отсутствии аппетита слопала сразу три штуки. Лилька же налегала на маленькие трубочки и одинаковые хрустящие шарики, обсыпанные сахарной пудрой, хихикала и постоянно толкала меня ногой под столом.

Мое состояние трудно было описать словами: оторвавшись от пола, превратившись в белое серебристое облако, я зависла под потолком. Считать минуты не имело смысла, но я все равно считала... Сколько осталось, сколько?.. Часы на полке буфета тикали слишком громко, за что я их почти ненавидела.

— Сегодня вообще-то холодно, — сказал Павел, когда мы собрались уходить. Шагнув к шкафу, он стянул с крючка свой серый шарф и сам обмотал им мою шею. — Теперь не замерзнешь, — он улыбнулся и извинительно добавил: — Если бы я знал заранее, что встречу тебя, и... что у тебя день рождения... Ну, я бы подготовился получше.

Дорога до развилки показалась удивительно короткой, Лилька тараторила без умолку, мечтая как можно скорее разболтать о случившемся в школе. Еще бы! Мы побывали в Большом Доме! Завтра точно все обзавидуются.

Стрекоза летит на север

— Он красавчик, да? — выдала она на полпути.

— Ага, — согласилась я.

— Интересно, кто ему больше понравился: ты или я?

— Не знаю.

— Наверное, я. Хотя тебе он подарил шарф, но это не считается... у тебя же день рождения.

Я ничего не ответила, лишь мечтательно улыбнулась. К сожалению, Павел скоро уедет, и, наверное, мы больше не увидимся... Или увидимся не скоро, когда все будет по-другому... Не будет искрящегося снега, колючего ветра, трескучего мороза и дурацкой надежды, не имеющей даже названия. «Но шарф! У меня есть шарф! Самый лучший шарф на свете!»

— Только Кольке расскажу я, ладно?! — крикнула Лилька, устремляясь по дороге к своей деревне.

— Ага, — ответила я и свернула направо. Мне, наоборот, не хотелось делиться впечатлениями ни с кем, точно крохотная тайна, поселившаяся в душе, могла исчезнуть без следа. Я не понимала: плакать или смеяться? И я задавалась вопросом: неужели так мало нужно, чтобы втрескаться по уши?..

Дома меня ждал еще один подарок, о котором я узнала поздно вечером, когда ложилась спать. Тетя Тома пропадала у своей подруги, нашей соседки, и никто не мешал мне фантазировать о счастливом будущем (и заодно расстраиваться). Я натянула байковую ночнушку, надела заштопанные, но любимые носки и села на кровать. Давно стемнело, комнату оживлял лишь тусклый свет настольной лампы да подрагивающая штора на окне. Надеюсь увидеть особенный сон, я собиралась положить шарф Павла под подушку — смешно,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

конечно, но и в тринадцать лет вера в чудеса настойчиво продолжала жить.

Я ему понравилась?

Хотя бы чуть-чуть?

Да, почему бы и нет...

Неа, Лилька же гораздо симпатичнее...

Завтра Павел прискачет на коне и увезет меня на край света!

Точно!

Ну, или не прискачет и не увезет...

А может, мне утром отправиться в сторону Большого Дома и погулять немного около озера? Прогулки очень полезны для здоровья.

Отложив подушку в сторону, я... удивленно замерла. На простынке лежало нечто незнакомое, не пойми откуда взявшееся и тем пугающее. Что это?.. Что?

Я протянула руку и тут же отдернула ее. Вскочила, уронив шарф на пол, включила свет и вернулась к кровати. Страх ледяными мурашками пробежал по спине и... неожиданно исчез. Мне вдруг стало тепло, даже жарко, сердце забилось ровно, а душу сжала ноющая, но приятная боль. Интуитивно, не имея никаких объяснений и доказательств, я почувствовала, что эта вещица несет добро, а не зло, и не нужно бояться...

На простынке лежало украшение — тонкая змейка с аккуратной плоской застежкой. Круглые хрустальные камушки чередовались с квадратными зелеными, а еще зеленые капельки свешивались в промежутках.

Ожерелье. Да, это было ожерелье.

— Ух ты... — прошептала я, подалась вперед и коснулась кончиками пальцев змейки. Меня тут же захлестнули зна-

Стрекоза летит на север

комые запахи: резкий, терпкий, удушливый... теплый, цветочный, солнечный... табачный, аптечный, хвойный... Голова закружилась, ноги подогнулись, пол качнулся... Если бы рядом стояла Лилька, то, наверное, она бы подскочила и бросилась из дома с криками: «Люди, люди, Настька умирает!», и была бы почти права, потому что я не чувствовала собственного тела и на несколько затяжных секунд потеряла связь с реальностью — меня звало прошлое...

Резко выпрямившись, вцепившись в спинку кровати, я резко задышала и только в этот момент заметила белый конверт... Он тоже лежал на простынке, но чуть выше и левее. Вероятно, изумление помешало мне обратить на него внимание раньше — новый поток вопросов закружился в голове, и я, ослабев, опустилась на стул. Догадки толкали к действиям (в конверте письмо! хватай его!), но я не двигалась с места минут пять. Я была абсолютно уверена, что тетя Тома не имеет к этому никакого отношения, а представить, будто кто-то пробрался в дом и положил подарок мне под подушку, решительно не могла!

Но кто-то же заглядывал в мою комнату... Где этот человек и как его зовут?

Я поднялась, вновь протянула руку и взяла конверт. Открыла его и вынула небольшую фотографию. На меня, улыбаясь, смотрела необыкновенно красивая женщина. Летнее платье... сумочка... босоножки... русые волосы по плечам... и уже знакомое ожерелье на шее...

Мама. Это была моя мама.

Я ее вспомнила.

Но только ее.

И больше никого и ничего...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Глава 2

Я попадаю в переделку, но на помощь спешит прекрасный принц...

Тетя Тома вернулась утром. Субботы она всегда любила, и я полагала, что настроение у нее будет вполне нормальное. То есть меня не заставят в профилактических целях («работай, может, человеком станешь!») драить полы, таскать дрова из сторожки («кланяйся Дмитрию Петровичу за его доброту!») или выбивать ковры, предварительно присыпав их снегом. Я так часто занималась и тем, и другим, и третьим, что с досок пола давно слезла краска, дрова буквально вываливались из сарая, а два ковра — гордость тети Тома — находились в пограничном состоянии между жизнью и смертью и могли рассыпаться при следующей чистке на клочки.

Но надежды на спокойные выходные оказались напрасными — в десять часов двор огласился сначала жалобным скрипом калитки, а затем гневным рыком моей тетки:

— Прохлаждаешься, заноза! А чего прохлаждаешься? Делать нечего?! Людка, сволочь, опять меня в карты обставила! Три дня теперь голодать будем!

Людмила Игоревна — наша соседка, милейшая женщина на шестидесяти трех лет, до икоты боялась тетю Тому и по этой причине ни в чем ей не отказывала. А в карты играла исключительно на копейки, иначе уже давно бы слегла с инфарктом...

— Доброе утро, — невпопад ответила я, запоздало сообразив, что эти слова наверняка вызовут очередной приступ раздражения. Но мое сердце пело и замирало от счастья — я находилась далеко-далеко, за тридевять земель... Привычная

Стрекоза летит на север

ругань и даже настоящая трехдневная голодовка не смогли бы отнять мою радость. Я стала сильнее. На чуть-чуть. Но все же.

— Вы посмотрите на нее! — всплеснула руками тетя Тома. — Утро у нее доброе... Тринадцать лет девке, а ума ни на грош! — Она фыркнула, прошла мимо, затем резко остановилась и развернулась. Колючий взгляд проткнул меня насквозь. — Ты почему улыбаешься? Что у тебя в голове, я спрашиваю?!

Я не улыбалась — точно. Может внутри, втайне... Но тетка отчето-то безошибочно угадала мое состояние.

Конечно, я думала о вчерашнем дне, вспоминала чуть ли не каждую минуту и задавалась миллионом вопросов. У меня разом появилось столько волшебных секретов, что все плохое мгновенно отскакивало в сторону.

Во-первых, ожерелье и фотография. И то, и другое я убрала в надежное место — за подкладку осеннего полупальто (тетя Тома отдала мне его уже с дыркой под рукавом, а я зашивать не стала и прятала туда все самое ценное). Полночи я взволнованно металась по комнате, пытаюсь вспомнить далекое детство. Но не получалось! Точно передо мной стояла высоченная стена, которую не обойти и не перепрыгнуть. Ожерелье... О, я его бесконечно любила! Оно казалось необыкновенно красивым, хотя и выглядело просто — белый камушек, зеленый камушек и капельки. Своей скромностью оно нравилось мне еще больше, потому что в будущем я собиралась его носить незаметно под свитером или кофтой. Тайком — это очень важно!

«Тетя Тома ничего не должна узнать...»

Моя уверенность в том, что к украшению и фотографии она не имела никакого отношения, была незыблема, как

ЮЛИЯ КЛИМОВА

скала. Нелюбовь я чувствовала практически каждый день и вовсе не обманывалась на этот счет. Интуиция тихонько нашептывала: «Не показывай, ни за что не показывай ожерелье...», и я, мысленно соглашаясь, собиралась поступать именно так.

Но кто принес бесценный подарок? Кто этот человек? Как он нашел меня и почему прячется? Единственное объяснение, которое я находила правдоподобным, заключалось в следующем: кто-то когда-то знал моих родителей и теперь хорошо относится ко мне, наверное, живет рядом, но, к сожалению, боится гнева тети Тома (а ее гнев — это не нравоучительное «как вам не стыдно», это гром, молния, взмах топором и проклятия до третьего колена), и... В общем, решил он сделать доброе дело. И сделал. Да.

Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо!

Во-вторых, Павел. Он особенный — добрый, серьезный, умный, красивый, и я обязательно должна увидеть его хотя бы еще раз...

Я представляла, как он берет меня за руку, и мы топаем по дороге к школе или болтаем на перемене у окна. О, пусть он переедет сюда, к бабушке и дедушке, и учится со мной в одной школе...

— Что у тебя в голове, я спрашиваю? — повторила тетя Тома и сдвинула брови.

— Э-э-э... — ответила я, пытаюсь изобразить на лице глупую растерянность и на всякий случай не менее глубокое огорчение.

— Ты, часом, умом не тронулась? — поинтересовалась тетка с насмешкой, а может, даже с надеждой. — Бери сумку — и марш в магазин! Дома шаром покати, а она стоит,

Стрекоза летит на север

как кладбищенская часовня! Как есть заноза! — Вынув из кармана деньги, тетя Тома добавила командным тоном: — Макарон купи, консерву какую-нибудь подешевле, печенья и сахара.

Трехдневная голодовка, видимо, опять откладывалась на неопределенный срок. Радуюсь, что не нужно драить полы, я совершенно счастливая понеслась в сторону магазина. Было жаль, что шарф остался дома, но и его показывать тетке я не хотела — подарок Павла я тоже собиралась трепетно хранить.

Магазинчик находился недалеко от сторожки, и мне предстоял не слишком долгий путь мимо соседских домов, круглого заледенелого пруда и наваленных кое-как бревен, давно вросших в землю и превратившихся в место для посиделок. По печенью я очень соскучилась и собиралась купить не какое-нибудь обычное, похожее на картонку, а вкусное, овсяное (и пусть тетя Тома потом распилит меня на части!). Бодрое, радостное настроение не покидало меня всю дорогу, я лишь жалела о том, что вчера съела только три эклера.

— Эй! Ланье! — раздался резкий насмешливый голос, и я вздрогнула.

На одном из бревен сидел Славка Шумейко по кличке Шаман, а рядом с ним, прислонившись к березе, стоял его друг Вадька Авдонин по кличке Доня. И тот и другой имели противную привычку цепляться к тем, кто помладше, а уж мимо меня вообще спокойно пройти не могли. И почему-то моя фамилия — Ланье — их особенно раздражала, из их уст она звучала некрасиво и ужасно обидно. Чтобы меня задеть, им даже не нужно было придумывать прозвище или какую-нибудь рифму. Лань-е-е. Славка всегда тянул последнюю букву, после чего сплевывал и усмехался.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Их двое, а я одна — шансов спастись без потерь не было, и я юркнула в магазин, наивно надеясь, что они скоро уйдут.

Но они, конечно же, не ушли.

Зачем уходить, когда минут через десять из укрытия выскочит перепуганный кролик, за пазухой у которого будут лежать макароны, тушенка, печенье и сахар?

Такого кролика нужно схватить, ограбить, зажарить и слопать!

Из магазина я выплыла неторопливо, с достоинством. На лице — легкая задумчивость, глаза — к небу, губы сжаты, руки поддерживают покупки, прилично раздувающие куртку. Я шла ровно, каждой клеточкой тела ожидая окрика, готовясь к грубости и подзатыльнику (а также к тому, что у меня отберут продукты, и тетя Тома, мягко говоря, этого не одобрит).

— Лань-е-е, — поднимаясь с бревна, процедил Славка-Шаман, но я сделала вид, будто не слышу его. Ну, почему, почему после хорошего всегда случается плохое?

— Чего купила, Настька? — заулыбался Доня и отлип от березы. — Поделиться с нами не хочешь?

Они двигались хищно и быстро, а я крепче прижимала к себе овсяное печенье и мысленно упрямо повторяла: «Не отдам, не отдам, не отдам...» Собственно, я могла гордиться тем, что пару раз умудрилась сбежать от Шамана, и эти воспоминания, видимо, придали мне некоторую силу. Посчитав, что один шанс на миллион у меня есть, я подпрыгнула на месте и припустила к дому, но уже через несколько секунд крепкая рука обрушилась на мое плечо, и за спиной раздалось самодовольное: «Куда собралась, голуба?!»

Куда-куда... К дорогой и любимой тете Томе!

Стрекоза летит на север

Споткнувшись, я полетела на притоптанный снег. Шапка съехала набок, жалобно хрустнули макароны или печенье, боль одновременно пробила колени и руки. Но самое при-
скорбное, что сверху на меня рухнул Шаман, и я потеряла возможность двигаться, потому что он был не только старше меня на два года, но и тяжелее килограммов на двадцать.

— Переворачивай ее! — помог другу советом Доня, и я почувствовала себя неуклюжей черепахой, из которой сейчас сварят суп.

Славка заворочался и откатился влево. Стало значительно легче, но от волнения я не могла спокойно дышать. Холод и страх лезли под воротник и ползли по спине дальше...

— Немедленно оставьте ее в покое! — Сухой и твердый голос коснулся души, и я зажмурилась.

Павел. Это был Павел!

Или послышалось?..

Переворачивать меня не пришлось, я это сделала совершенно самостоятельно, уложившись в секунду.

Славка мгновенно подскочил и встал рядом с Доней плечо к плечу. Они напоминали двух взъерошенных подростков-волчат — осторожных, но злых. А я, забыв про сахар и тушенку, лежала на спине и смотрела на Павла. Да, это был он. Настоящий! В той же синей куртке с мехом на капюшоне, джинсах и ботинках с тракторной подошвой. Сердце сжалось, в животе булькнул восторг, и на миг я закрыла глаза, все еще не веря в происходящее.

Страх медленно таял, вернее, превращался в нечто иное — в беспокойство. Двое против одного... и будет драка... Нечестно.

Но почему же двое против одного?!

ЮЛИЯ КЛИМОВА

А я? Доня не слишком-то сильный и не слишком-то смелый...

— Ты кто такой? — презрительно спросил Славка и сжал кулаки.

— Не важно, — ответил Павел и, демонстрируя врагам равнодушие, подошел ко мне и протянул руку.

Вторая встреча, и второй раз я выглядела совершенно глупо: то с распухшей губой у забора, то на снегу, заваленная продуктами. Но толком расстроиться по этому поводу я не успела — мои пальцы коснулись его пальцев, и оставалось лишь жалеть, что холодно и из-за варежек я не могу почувствовать тепло своего сказочного принца.

— О! Рыцарь какой! — захохотнул Доня.

Я встала рядом с Павлом (тоже плечо к плечу), но он тут же оттеснил меня назад, сказав тихо: «Я сам».

— Так кто ты такой? — повторил Славка и сделал два шага вперед. — Не нравится мне твоя физиономия... ох, не нравится... — Он едко усмехнулся. — Разукрашу я ее с большим удовольствием... ох, разукрашу...

Павел напрягся. Я это не увидела — почувствовала. Точно он превратился в камень — большой, серый, с острыми углами... Но на виске была заметна пульсирующая жилка, и глаза сверкали недобрым огнем.

Я сразу поверила: Павел один справится и с Шаманом, и с Доней, но на всякий случай тоже сжала кулаки и приготовилась. Банка тушенки после моих решительных телодвижений, потеряв точку опоры, выскользнула из-под куртки и шмякнулась прямо на мою ногу.

— Ты смотри! — захохотал Доня. — Невеста приданое растеряла!

Стрекоза летит на север

Славка солидарно заржал, но почти сразу оборвал смех и, пользуясь моментом, неожиданно налетел на Павла. Они должны были сцепиться, превратиться в комок ненависти и дружно упасть в снег, я уже видела эту картину и собиралась броситься следом. Но ничего подобного не произошло — раздался глухой удар, и Славка один полетел в сугроб. Тут же вскочив, он вновь бросился на Павла, злость даже позволила ему ответно ударить, но через мгновение Шаман вновь оказался в сугробе.

— Сволочь! — взревел Доня и устремился к неприятелю.

Я закусила губу, выставила ногу вперед, и второй враг, споткнувшись, спилотировал на дорогу и впечатался носом в лед.

— Не вмешивайся! — резко бросил мне Павел и схватился со Славкой не на жизнь, а на смерть.

Доня, проклиная все на свете, изрядно матерясь, поднимался медленно, поглядывая в мою сторону с возрастающей ненавистью...

Наверное, бой закончился бы не скоро (мы бы, конечно, победили), но вдруг раздался отчаянный девчачий визг, затем отрывистый лай Байкала, а затем рассерженный голос его хозяина — Дмитрия Петровича:

— А ну, хулиганье, брысь отсюда! Сейчас собаку спущу, будете знать! Без штанов с голым задом домой побежите!

Обернувшись, я увидела нашего сторожа, злощего лохматого Байкала и незнакомую девчонку в короткой бело-снежной шубке и белой шапке. Она уже не голосила на всю деревню, а бежала молча, прижав ладони к щекам.